

Т53

ТФ

Современная Библиотека.

Левъ Толстой.

Великій

грѣхъ.

Изданіе

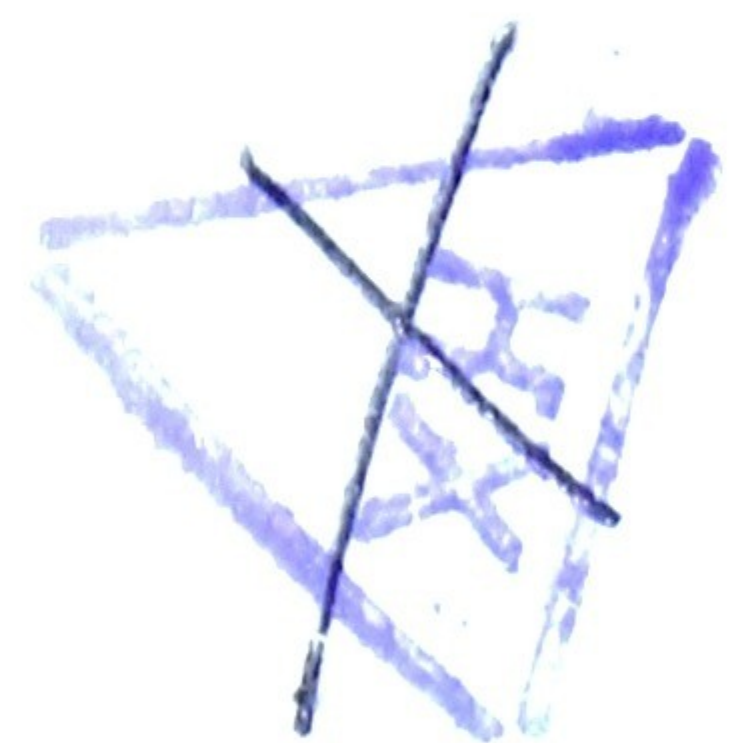
Т-ва И. Д. Сытина.

Цѣна 10 коп.

91
T53

Современная Библиотека.

Левъ Толстой.

Великій грѣхъ.

✓ 14519

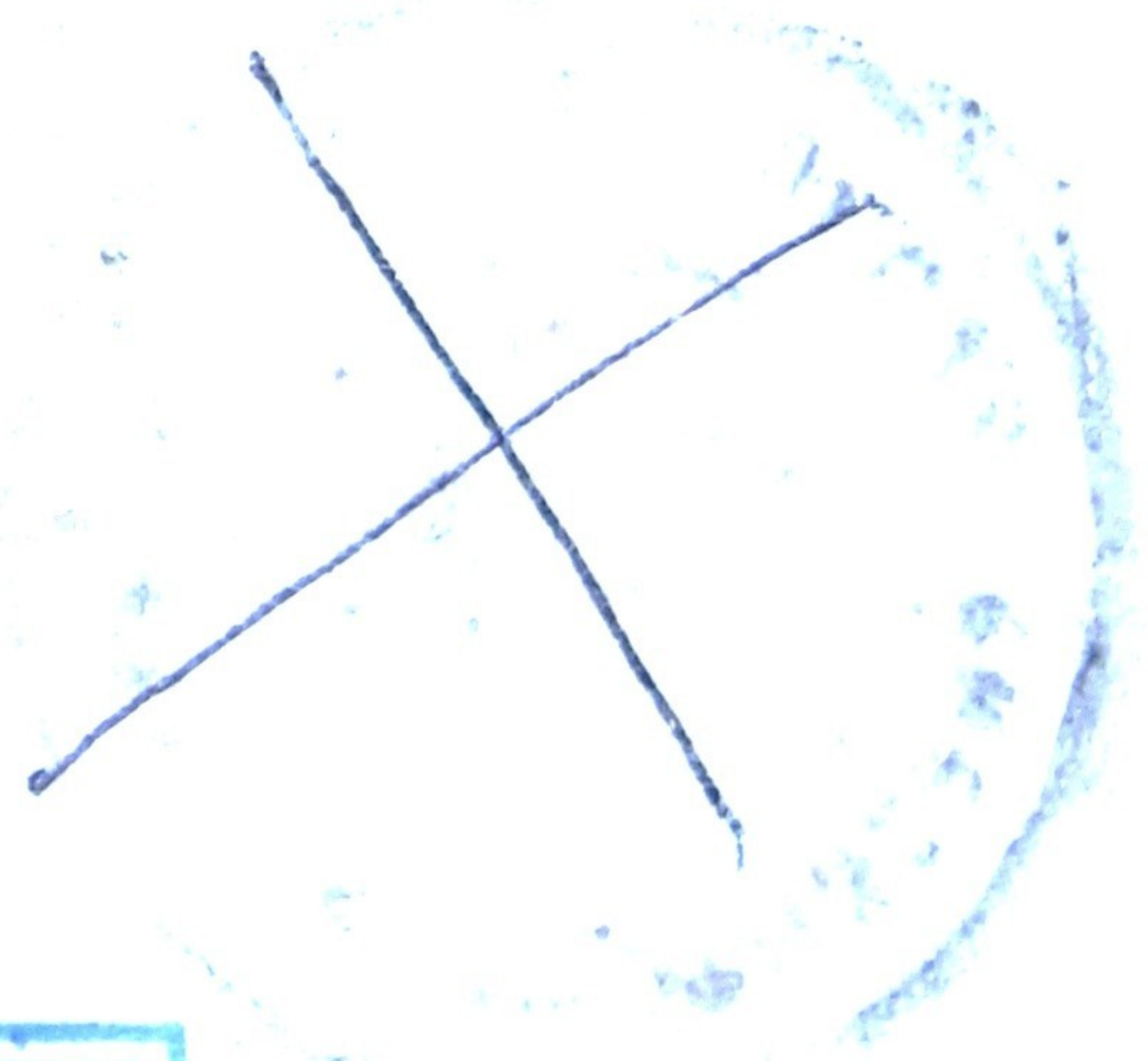
Бр-х-89

ИЗДАНИЕ

Т-ва И. Д. СЫТИНА.

1900

МУК «Тульская
библиотечная система»

144

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1906.

Великій грѣхъ.

Россія переживаетъ важное, долженствующее имѣть громадныя послѣдствія время.

Близость и неизбѣжность надвигающагося переворота особенно живо, какъ это и всегда бываетъ, чувствуется тѣми сословіями общества, которыя своимъ положеніемъ избавлены отъ необходимости поглощающаго все ихъ время и силы физическаго труда, и потому имѣющими возможность заниматься политическими вопросами. Люди эти, дворяне, купцы, чиновники, врачи, техники, профессора, учителя, художники, студенты, адвокаты, преимущественно горожане, такъ называемая интеллигенція, теперь въ Россіи руководятъ происходящимъ движеніемъ, и всѣ свои силы направляютъ на измѣненіе существующаго политическаго строя и на замѣну его инымъ, считаемымъ той или иной партіей наиболѣе цѣлесообразнымъ и обеспечивающимъ свободу и благо русскаго народа. Люди эти, постоянно страдая отъ всякаго рода стѣсненій и насилій правительства, административныхъ ссылокъ, заточеній, запрещеній собраній, запрещеній книгъ, газетъ, стачекъ, союзовъ, ограниченія правъ разныхъ національностей и вмѣстѣ съ тѣмъ живущіе совершенно чуждой большинству русскаго земледѣльческаго народа жизнью, естественно видятъ въ этихъ стѣсненіяхъ главное зло и въ освобожденіи отъ него главное благо русскаго народа.

А между тѣмъ стоить только на время отрѣшиться отъ укоренившейся въ нашей интеллигенціи мысли о томъ, что предстоящее Россіи дѣло есть введеніе у себя тѣхъ самыхъ

формъ политической жизни, которыя введены въ Европѣ и Америкѣ, будто бы, обезпечивающихъ свободу и благо всѣхъ гражданъ, а просто подумать о томъ, что нравственно дурно, въ нашей жизни, чтобы совершенно ясно увидеть, что то главное зло, отъ котораго не переставая жестоко страдаетъ весь русскій народъ, зло, — которое онъ живо сознаетъ, и о которомъ не переставая заявляетъ, не можетъ быть устранено никакими политическими реформами, какъ оно не устранено до сихъ поръ никакими политическими реформами въ Европѣ и Америкѣ. Зло это, основное зло, отъ котораго страдаетъ русскій народъ точно такъ же, какъ народы Европы и Америки, есть лишеніе большинства народа несомнѣннаго, естественнаго права каждаго человека пользоваться частью той земли, на которой онъ родился. Стоить только понять всю преступность, грѣховность этого дѣла для того, чтобы понять, что пока не будетъ прекращено это постоянное совершаемое земельными собственниками злодѣяніе, никакія политическія реформы не дадутъ свободы и блага народу, а, что, напротивъ, только освобожденіе большинства людей отъ того земельного рабства, въ которомъ оно находится, можетъ сдѣлать политическія реформы не игрушкой и орудіемъ личныхъ цѣлей въ рукахъ политикановъ, а дѣйствительнымъ выраженіемъ воли народа.

Вотъ эту-то мою мысль мнѣ хотѣлось сообщить въ этой статьѣ тѣмъ людямъ, которые въ эту важную для Россіи минуту хотятъ искренно служить не своимъ личнымъ цѣлямъ, а истинному благу русскаго народа.

I.

Иду въ Вербную субботу по большой дорогѣ въ Тулу. Народъ обозами ѣдетъ на базаръ, съ телѣгами, курами, лошадьми, коровами (нѣкоторыхъ коровъ везли на телѣгахъ — такъ онѣ худы). Сморщенная старушка ведетъ худую, облѣзшую корову. Я знаю старуху и спрашиваю, зачѣмъ ведетъ корову?

— Да безъ молока, — говоритъ старуха, — надо бы продать да купить съ молокомъ. Небось, краснейкую приложить надѣ, а у меня всего пятерка. Гдѣ возьмешь? За зиму муки на восемнадцать рублей купили, а добытчикъ одинъ. Живу одна съ невѣсткой, четверо внучать, сынъ въ дворникахъ въ городѣ.

— Отчего же сынъ дома не живетъ?

— Не при чемъ жить. Какая наша земля? На квасъ.

Идетъ мужикъ, портки въ рудоконной глинѣ, худой, блѣдный.

— По какому дѣлу въ городъ? — спрашиваю.

— Лошаденку купить; пахать время, а лошади нѣтъ. Да дороги, сказываютъ, лошади.

— А ты за сколько хочешь купить?

— Да по деньгамъ.

— За много ль?

— Да пятнадцать рублей сколотилъ.

— Чего нынче на пятнадцать рублей купишь? На шкуру, — вступается другой мужикъ. — У кого руду работаешь? — спрашиваетъ онъ, глядя на растянутые въ колѣнкахъ, выкрашенные красной глиной портки.

— У Комарова, у Ивана Мосеича.

— Что жъ мало выработалъ?

— Да вѣдь исполу работалъ, ему половину.

— А много ль зарабатывали? — спрашиваю я.

— Въ недѣлю рубля два обгонялъ, а то и меньше, что станешь дѣлать? Хлѣба до Рождества не хватило. Не накупишься.

Немного дальше молодой мужикъ ведетъ лошадку ладную, сытую продавать.

— Хороша лошадка, — говорю я.

— Надо бы лучше, да некуда, — отвѣчалъ онъ, думая, что я покупатель. — И пахать и въ ѣздѣ.

— Такъ зачѣмъ же продаешь?

— Да не къ чему. Что жъ, двѣ земли. Я на одной (лошади) ухожу (землю), а на зиму пустилъ и самъ не радъ. Съѣла скотину на отдѣлку. Да и деньги нужны за ренду платить.

— А вы у кого арендуете?

— Да у Марьи Ивановны; спасибо, отдала. А то бы намъ мать-петля.

— По чемъ берете?

— По четырнадцать рублей дереть. А куда же дѣнешься? Беремъ.

Бдетъ женщина съ мальчикомъ въ картузикъ. Она меня знаетъ, слѣзаетъ и предлагаетъ взять мальчика въ услуженіе. Мальчикъ крошка совсѣмъ, съ умными, быстрыми глазами.

— Онъ такъ только видится малъ, а онъ все можетъ, — говоритъ она.

— Зачѣмъ же ты такого маленькаго отдаешь?

— Да что, баринъ, хоть съ хлѣба долой. У меня четверо да сама, а земля одна. Вѣрите Богу, не ѣмши сидимъ. Просятъ хлѣбца, а дать нечего.

Съ кѣмъ ни поговоришь, всѣ жалуются на нужду, и всѣ одинаково съ той или другой стороны приходятъ къ единственной причинѣ. Хлѣба не хватаетъ, а хлѣба не хватаетъ оттого, что земли нѣтъ.

Но это случайныя встрѣчи по дорогѣ; но пройдите по всей Россіи, по крестьянскому міру, и взглядитесь во всѣ ужасы нужды и во всѣ страданія, происходящія отъ очевидной причины: у земледѣльческаго народа отнята земля. Половина русскаго крестьянства живетъ такъ, что для него вопросъ не въ томъ, какъ улучшить свое положеніе, а только въ томъ, какъ не умереть съ семьей отъ голода, и только оттого, что у нихъ нѣтъ земли.

Пройдите по всей Россіи и спросите у всего работающаго народа, отчего ему дурно живется, что ему нужно, и всѣ въ одинъ голосъ скажутъ одно и то же, то, чего они всѣ не переставая желаютъ и ждутъ и на что не переставая надѣются, о чемъ не переставая думаютъ.

И они не могутъ не думать, не чувствовать этого потому, что, не говоря уже о главномъ, о недостаткѣ земли, чтобы кормиться, большинство изъ нихъ не можетъ не чувствовать

себя въ рабствѣ у тѣхъ помѣщиковъ, купцовъ, землевладѣльцевъ, которые окружили своими землями ихъ малые, недостаточные надѣлы, и они не могутъ не думать, не чувствовать этого потому, что всякую минуту за мѣшокъ травы, за охапку дровъ, безъ которой имъ жить нельзя, за ушедшую лошадь съ ихъ земли на господскую терпятъ не переставая штрафы, побои, униженія.

Какъ-то разъ я по дорогѣ разговорился со слѣпымъ крестьяниномъ-нищимъ. Узнавъ во мнѣ по разговору грамотнаго, читающаго газеты, но не признавъ за господина, онъ остановился и съ значительнымъ видомъ спросилъ: «А что, слушокъ есть?» Я спросилъ: «О чемъ?» — «Да объ землѣ объ господской». Я сказалъ, что ничего не слыхалъ. Слепой покачалъ головой и больше ничего не сталъ спрашивать.

— Ну, что говорятъ о землѣ? — спросилъ я недавно у своего бывшаго ученика, богатаго, степеннаго и умнаго, грамотнаго крестьянина.

— Точно болтаетъ народъ.

— Ну, а ты что думаешь?

— Да должно, *отойдетъ*, — сказалъ онъ.

Изъ всѣхъ совершающихся событій это одно важно и интересно для всего народа. И онъ вѣрить, не можетъ не вѣрить, что «отойдетъ».

Онъ не можетъ не вѣрить въ это, потому что ему ясно, что размножающійся народъ, живущій земледѣлемъ, не можетъ продолжать существовать, когда ему оставлена только малая часть земли, которой онъ долженъ кормить себя и всѣхъ паразитовъ, присосавшихся къ нему и расползающихся на немъ.

II.

«Что такое человѣкъ? — говоритъ Генри Джорджъ въ одной изъ своихъ статей ¹⁾. — Прежде всего онъ есть земное живот-

¹⁾ Рѣчи и статьи Генри Джорджа. Изд. „Посредника“, стр. 143 и 144.

ное, которое не можетъ жить безъ земли. Все, что ни производится человѣкомъ, берется изъ земли; весь производительный трудъ въ конечномъ анализѣ оказывается состоящимъ изъ переработки земли, матеріаловъ, взятыхъ изъ земли, въ формы, приспособленныя для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ или желаній. Да и самое тѣло человѣка берется изъ земли. Мы — дѣти земли. Изъ нея мы взяты и вновь въ нее должны мы возвратиться. Отнимите у человѣка все, что принадлежитъ землѣ, и что останется у васъ, кромѣ безплотнаго духа? Потому тотъ, кто владѣетъ землей, на которой и отъ которой долженъ жить другой человѣкъ, является господиномъ этого человѣка, и человѣкъ этотъ есть его рабъ. Человѣкъ, который владѣетъ землей, на которой я долженъ жить, можетъ распоряжаться моею жизнью и смертью такъ же свободно, какъ если бы ему принадлежало мое тѣло. Мы толкуемъ объ отмѣнѣ рабства, но мы не отмѣнили рабства, мы отмѣнили лишь болѣе грубую форму его: личное рабство. Теперь намъ предстоитъ отмѣнить болѣе тонкую и предательскую, болѣе проклятую форму его, то промышленное рабство, которое дѣлаетъ человѣка фактически рабомъ, превознося въ то же время его свободу.

«Одно изъ самыхъ несообразныхъ и нелѣпыхъ явленій, которое не удивляетъ насъ только потому, что мы къ нему привыкли, — говорить въ другомъ мѣстѣ тотъ же Генри Джорджъ, — состоитъ въ томъ, что рабочій классъ во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра есть бѣдный классъ. Если бы какое-либо мыслящее существо, еще не бывшее на землѣ, какимъ-нибудь чудомъ явилось бы на нее и вы бы объяснили ему нашу жизнь, объяснили бы, какъ создаются трудомъ дома, пища, одежда и всѣ вообще предметы, нужные намъ для жизни, то существо это, конечно, подумало бы, что тѣ люди, которые производятъ все это, и суть какъ разъ тѣ самые люди, которые живутъ въ самыхъ лучшихъ домахъ и имѣютъ всего болѣе того, что создается трудомъ. На дѣлѣ же въ Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Йоркѣ,

вездѣ, даже въ среднихъ городахъ, именно рабочіе-то люди и живутъ въ самыхъ бѣдныхъ домахъ.

То же самое происходитъ еще въ большей степени въ деревняхъ, прибавилъ бы я. Люди праздные живутъ въ роскошныхъ дворцахъ, просторныхъ, красивыхъ жилищахъ. Трудящіеся живутъ въ темныхъ, грязныхъ домишкахъ.

«Удивительное явленіе это стоитъ того, чтобы надъ нимъ призадуматься. Мы невольно презираемъ бѣдность. И на самомъ дѣлѣ ее слѣдовало бы презирать. Природа вознаграждаетъ лишь трудъ и только трудъ. Никакой предметъ богатства не можетъ быть произведенъ безъ участія труда, и при естественномъ порядкѣ вещей человѣкъ, работающій добросовѣстно и умѣло, долженъ быть богатымъ, а не работающій — бѣднымъ. Мы перевернули этотъ порядокъ природы, и у насъ рабочіе люди бѣдны, а праздные богаты. Отчего это?

«Оттого, что мы принуждаемъ людей, которые работаютъ, платить другимъ людямъ за позволеніе работать. Вы покупаете сюртукъ, лошадь, домъ; вы платите за произведеніе труда, — за трудъ, затраченный продавцомъ или купленный имъ у другихъ людей. Но за что вы платите человѣку, когда вы платите ему за землю? Вы платите ему за то, чего не производилъ никто изъ людей, что существовало ранѣе, чѣмъ явился человѣкъ, — за цѣнность, которая была создана не какимъ-либо человѣкомъ лично, а обществомъ, часть котораго вы составляете, отъ этого и богатъ тотъ, кто захватилъ землю и владѣетъ ею, и бѣденъ тотъ, кто работаетъ на ней или надъ ея произведеніями.

«Мы толкуемъ о перепроизводствѣ. Но какое же можетъ быть перепроизводство въ то время, когда народъ нуждается въ самомъ необходимомъ? Народу нужны тѣ предметы, которые оказываются произведенными въ излишкѣ. Почему же онъ не приобрѣтаетъ ихъ? Не потому, чтобы онъ не желалъ ихъ, а потому, что у него нѣтъ средствъ купить ихъ. Почему же у него нѣтъ средствъ? Потому, что онъ зарабатываетъ слишкомъ

мало. А зарабатываетъ онъ слишкомъ мало потому, что отдаетъ часть своей работы тѣмъ, кто владѣетъ землей. И потому не диво, что великое множество разныхъ товаровъ остается непроданнымъ, когда огромной массѣ людей приходится работать въ среднемъ за одинъ долларъ 40 центовъ въ день въ Америкѣ» и за 50 коп. въ Россіи.

«Почему же этимъ людямъ приходится работать за такую низкую плату? Потому, что если бы они потребовали высшей платы, то ихъ было бы кѣмъ замѣнить. Всегда стоитъ наготовѣ множество безработнаго люда, и именно эта масса безработныхъ и понижаетъ заработную плату до одной только возможности существованія. Но почему есть люди, которые не могутъ найти для себя работы? Развѣ не странно звучать эти слова, что люди не могутъ найти для себя работы? Адамъ не испытывалъ затрудненія въ отысканіи работы, не испытывалъ его и Робинзонъ Крузо; отысканіе работы было самымъ послѣднимъ дѣломъ, о которомъ они заботились.

«Если люди не могутъ найти для себя работодателя, то почему же они сами не сдѣлаются своими работодателями? Да просто потому, что они отрѣзаны отъ того, безъ чего немыслимъ никакой трудъ; люди принуждены конкурировать между собою изъ-за заработной платы, выдаваемой хозяиномъ, потому что они насильственно лишены естественныхъ удобствъ, пользуясь которыми они могли бы быть своими собственными хозяевами,—потому что для нихъ нѣтъ мѣста въ Божьемъ мірѣ, гдѣ они могли бы работать, не платя другимъ какимъ-то человѣческимъ существамъ за то, что тѣ позволяютъ имъ работать.

«Люди молятъ Бога о томъ, чтобы Онъ облегчилъ бѣдность. Но бѣдность происходитъ не отъ Божьихъ законовъ; сказать это значило бы произнести самую гнусную хулу на Бога. Бѣдность происходитъ отъ человѣческой несправедливости къ ближнему. Допустимъ, что молитва людей была бы услышана Всемогушимъ; но какъ Онъ могъ бы исполнить ихъ просьбу, сохраняя установленные Имъ же законы такими, каковы они

есть. Вѣдь Богъ ничего не даетъ намъ изъ того, что составляетъ богатство. Онъ даетъ намъ только сырой матеріалъ, который перерабатываетъ человѣкъ, производя богатство. А развѣ теперь Онъ мало даетъ намъ этого сырого матеріала? И если бы Онъ сталъ давать его еще болѣе, какъ могъ бы Онъ облегчить бѣдность? Пусть была бы услышана молитва, и Онъ увеличилъ бы силу солнца или плодородіе почвы, сдѣлалъ бы растенія болѣе плодородными и заставилъ быстрѣе бы размножаться животныхъ. Кому все это было бы на пользу въ странѣ, въ которой земля захвачена частными владѣльцами? Только однимъ собственникамъ земли. И даже если бы Богъ въ отвѣтъ на просьбы людей сталъ прямо посылать съ неба тѣ предметы, какіе нужно людямъ, то и тогда это было бы на пользу однимъ собственникамъ земли.

«Въ ветхомъ завѣтѣ разсказывается, какъ израильтяне, странствуя въ пустынѣ, терпѣли голодъ и какъ Богъ послалъ имъ съ неба манну. Ея было достаточно для всѣхъ, всѣ брали ее и были сыты. Но допустимъ, что пустыня признавалась бы частною собственностью, какая польза была бы отъ манны для народа, если бы одни израильтяне владѣли квадратными милями земли, а другіе не имѣли ни одной пяди? Сколько бы Богъ ни посылалъ манны, манна эта дѣлалась бы собственностью землевладѣльцевъ; они нанимали бы кое-кого собирать ее для нихъ въ кучи и продавали бы ее своимъ голодающимъ братьямъ. И покупка и продажа манны продолжались бы до тѣхъ поръ, пока большинство израильтянъ не проѣло бы все, что у нихъ было. А потомъ они начали бы голодать въ то время, какъ манна лежала бы въ огромныхъ кучахъ и землевладѣльцы жаловались бы на ея перепроизводство. Было бы какъ разъ то самое явленіе, какое мы видимъ въ настоящее время.

«Все это я говорю не съ тѣмъ, чтобы, покончивъ съ этой основной несправедливостью, мы могли спокойно сложить руки; но я говорю, что вопросъ о правѣ владѣнія землей лежитъ въ корнѣ всѣхъ другихъ общественныхъ вопросовъ. Я говорю то,

что мы можемъ дѣлать все, что угодно, можемъ вводить какія угодно реформы, но мы не избавимся отъ повсемѣстной бѣдности до тѣхъ поръ, пока то, съ чего должны жить всѣ люди—земля,—будетъ оставаться частною собственностью нѣкоторыхъ лицъ; что до тѣхъ поръ будутъ безплодны всѣ усилія улучшить положеніе людей. Преобразовывайте механизмъ управленія, сокращайте до минимума налоги, стройте желѣзныя дороги, заводите кооперативные магазины, дѣлите прибыль, какъ хотите, между предпринимателями и рабочими, и что же будетъ въ результатъ? Въ результатъ будетъ то, что земля будетъ повышаться въ своей цѣнности, только это будетъ въ результатъ, и ничего больше. Опытъ показываетъ намъ это.

«Развѣ всѣ улучшенія не увеличиваютъ только цѣнности земли, того, что должны платить одни люди другимъ за право существованія на свѣтѣ?»

То же самое, прибавлю я, мы не переставая видимъ [въ Россіи. Всѣ землевладѣльцы жалуются на бездоходность, убыточность имѣній, а цѣна на земли не переставая растетъ. Она не можетъ не расти потому, что населеніе увеличивается, а земля для него—вопросъ жизни и смерти.

И потому народъ отдаетъ все, что можетъ, не только свой трудъ, но и свои жизни за землю, которую удерживаютъ отъ него.

III.

Было людоѣдство, были человѣческія жертвы, была религіозная проституція, были убійства слабыхъ дѣтей и дѣвочекъ, была кровавая месть, были убіенія цѣлыхъ населеній, судебныя пытки, четвертованія, сжиганія на кострахъ, кнутъ, были на нашей памяти исчезнувшіе шпицрутены, рабство. Но если мы пережили эти ужасные обычаи и учрежденія, то это не показываетъ того, чтобы среди насъ не было такихъ же, ставшихъ столь же противными для просвѣтлѣвшихъ разума и совѣсти учрежденій и обычаевъ, какъ и тѣ, которые въ свое

время были уничтожены и стали для насъ ужаснымъ воспоминаніемъ. Путь совершенствованія человѣчества безконеченъ, и въ каждую минуту исторической жизни есть суевѣрія, обманы, вредныя, злыя учрежденія, уже пережитыя людьми, ставшія прошедшими, есть такія, которыя представляются намъ въ далекомъ туманѣ будущаго, и такія, которыя мы въ настоящемъ переживаемъ, которыя составляютъ задачу нашей жизни. Таковы въ наше время смертная казнь и вообще наказанія, такова проституція, таково мясоѣденіе, таково дѣло милитаризма, война, и таково самое близкое и настоятельное дѣло—частная земельная собственность.

Но какъ и отъ всѣхъ ставшихъ привычными несправедливостей люди освобождались не вдругъ, не тотчасъ же послѣ того, какъ наиболѣе чуткіе люди признавали ихъ зловредность, но порывами, остановками, возвратами и опять новыми порывами освобожденія, подобными потугамъ родовъ, какъ это было недавно съ уничтоженіемъ рабства, такъ это происходитъ теперь съ частной земельной собственностью.

На зло и несправедливость частной земельной собственности за тысячу лѣтъ тому назадъ указывали пророки и мудрецы древности. Потомъ все чаще указывали на это зло передовые мыслители Европы; особенно ясно это высказывали дѣятели французской революціи. Въ послѣднее же время, вслѣдствіе увеличенія населенія и захвата богатыми людьми большого количества свободныхъ земель, вслѣдствіе общаго образованія и смягченія нравовъ, несправедливость эта стала до такой степени очевидной, что не только передовые люди, но всѣ самые рядовые люди не могутъ уже не видѣть и не чувствовать ея. Но люди, въ особенности тѣ, которые пользуются преимуществами земельной собственности, сами собственники и тѣ, которые связаны своими выгодами съ этимъ учрежденіемъ, такъ привыкли къ этому положенію вещей, такъ долго пользовались имъ, такъ нуждаются въ немъ, что часто сами не видятъ его несправедливостей и употребляютъ всѣ возможные средства для

того, чтобы скрыть отъ самихъ себя и другихъ людей все ярче и ярче выступающую истину: замять, загасить ее, извратить, а если это не дѣйствуетъ, то замолчать ее.

Поразительна въ этомъ отношеніи судьба дѣятельности появившагося въ концѣ прошлаго столѣтія необыкновеннаго человека — Генри Джорджа, посвятившаго всѣ свои огромныя духовныя силы на разъясненіе неправды и жестокости земельной собственности и на указаніе средствъ исправленія этой неправды при существующемъ теперь во всѣхъ народахъ государственномъ устройствѣ. Онъ сдѣлалъ это своими книгами, статьями и рѣчами съ такой необыкновенной силой и ясностью, что человеку безъ предвзятыхъ мыслей, прочтя его книги, невозможно не согласиться съ его доводами, не видѣть того, что никакія реформы не могутъ улучшить положенія народа до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожена эта основная несправедливость, и что средства, предлагаемыя имъ для ея уничтоженія, разумны, справедливы и удобопримѣнимы.

И что же? Несмотря на то, что англійскія сочиненія Джорджа въ первое время ихъ появленія очень скоро распространились между англо-саксонскимъ міромъ и не могли не быть оцѣнены по своимъ высокимъ достоинствамъ, очень скоро оказалось, что въ Англіи, даже въ Ирландіи, гдѣ особенно рѣзко проявлялась вся вопіющая несправедливость частной земельной собственности, большинство самой вліятельной интеллигенціи, несмотря на всю убѣдительность доводовъ Джорджа и удобопримѣнимость предлагаемаго имъ средства, стало противъ его ученія. Радикальные дѣятели, какъ Парнелъ, сначала сочувствовавшіе проекту Джорджа, очень скоро отступили отъ него, считая болѣе важными политическія реформы. Въ Англіи были противъ него почти всѣ аристократы и, между прочимъ, знаменитый Тойнби, Гладстонъ и Гербертъ Спенсеръ, тотъ Спенсеръ, который сначала и высказалъ въ своей статикѣ самымъ опредѣленнымъ образомъ всю несправедливость земельной собственности, потомъ отказался отъ этого своего мнѣнія и скупалъ